

Николай Перовский пришел в редакцию «Орловского вестника» в самое смутное и трагическое для России время, в дни развала страны и падения духа народного. Но поэт сразу привнес в творческую мастерскую газеты музу надежды и веры в возрождение Родины. Его стихи пылали гражданственной страстью, но не усугубляли настроение, а оживляли в человеке стремление к созиданию лучшего и справедливого мира.

Николай Перовский раньше многих из нас уже ощущал среди бед людских возвращение главного в русском характере:

Душа земли над скудной плотью
Была надеждой горяча,
И мир носил свои лохмотья,
Как шубу с царского плеча...

Его стихи читали взахлеб, почта редакции наполнялась благодарностями читателей за правдивую и умную поэзию, за несколько минут доброты, которые дарил эти стихи замученным неустройствами людям.

А Николаю Перовскому и этого казалось мало. Он практически за руку приводил в «Орловский вестник» молодых талантливых поэтов, требовал от них фантастической самоотдачи на пользу человеческой душе. Так зарождалась в редакции настоящая школа российской поэзии, а ряды Орловской писательской организации наполнились новыми именами.

Николай Перовский шел к читателю не только с блокнотиком новых стихов. Как и журналисты, он брал командировки в самые отдаленные уголки Орловщины и нес людям правду о времени и стране. Одновременно он черпал у народа идеи для творчества, меткий язык и духовные образы. Так создавались новые картины жизни и места людей в ней:

Мы в общем хоре все — солисты,
и даже тот, кто безголос,
в своем особенном регистре
доносит шепот свой до звезд.

Когда не хватало времени для возведения слова в поэзию, Николай Перовский обращался к обществу как публицист. И опять его слово жгло, воодушевляло, осуществляло свою созидательную работу.

Трудно представить, что человек такой огромной души воспитывался в спелдетдоме для детей репрессированных родителей, что подростком он был «сыном колхоза» в Казахстане, а зарабатывал хлеб на воркутинской шахте. Да, он учился в Московском горном институте, и в институте Литературном. Но главный экзамен у него принимала жизнь, из нее он черпал и дух, и величие правды, которые скрупулезно передавал затем российскому читателю и всем, кому посчастливилось оказаться с ним рядом. Журналистов он учил быть, в первую очередь, честными и бескорыстно любить человека. Разве может увянуть когда-нибудь память об этом!

Мир праху твоему, поэт и гражданин!

Редколлегия газеты «Орловский вестник».

Помнится, как приехавший на литературный семинар в Орел один известный автор повестей и романов возопил, обращаясь к начинающим литераторам: «Покажите мне свободного писателя! Нет таких ни в Москве, ни в провинции!» Я еще не знал тогда поэта Николая Перовского, и мне стыдно стало из за себя, и за вою пишущую братию России: как низко мы пали...

Но вот вошел в застоявшиеся литературные воды Орла новый человек — и сразу возмутил спокойствие. Откуда только силы брались в его худощавой донельзя фигуре! Вскипели дискуссии на писательских собраниях, в газете «Орловский комсомолец» появились первые за многие годы стихи, где настоящая поэзия была в союзе с истиной. Слово Николая Перовского зазвучало непривычно громко, и многие из высоко сидящих и «далеко глядящих» поспешили приглушить его: сквозь тернии продиралось в печать каждое стихотворение, каждое одухотворенное слово. Сборники стихов поэта не спешили ставить в издательские планы,

Он жаждал свободы

И В ЖИЗНИ, И В СЛОВЕ...

Рис. Т. Валицкой к книге Н. Перовского «Корни и кроны».

в семидесятые годы строго ограничивали даже устные выступления Николая Перовского на публике.

Но у поэта появились уже не только читатели и почитатели, но и последователи. Николай Перовский выводил из неизвестности на поэтическую сцену все, что блестело талантом и освещалось правдой. Никто другой на Орловщине не дал столько духа, любви и уроков мастерства молодым писателям.

Николай Перовский часто говорил коллегам: «Прежде поэт в вас должен проснуться человек». И неудивительно, что к нему самому тянулись люди. Вблизи него находили откровение и душевный приют несправедливо отвергнутые обществом художники и музыканты, сложенные судьбой мечтатели. А с другой стороны, Николай Перовский первым протягивал руку тем, кто ломал лед равнодушия, стремились перестроить общество на лучший лад.

В 1989 году я баллотировался кандидатом в народные депутаты СССР, и Николай Перовский стал моим незаменимым доверенным лицом. Он говорил избирателям только правду, не принимая достоинств кандидата и не скрывая его недостатков. В те дни он не писал стихов — весь жил надеждой достойного переустройства России, а потом столь же горько переживал неудачи демократических реформ, несбывшиеся чаяния народные.

Имя друга и учителя моего не выдвигали на соискание литературных премий, его не приглашали в почетные президиумы и на великосветские вечера. Но это не остудило ни творческий, ни гражданский пыл поэта. В стихах он высказался так:

Я не за плату — плата мне не впрок,
Я не за славу — спят владельцы слов.
Покуда мир плетет себе венки,
Я должен сторожить цветы и травы.

Проникновенная поэзия поставила Николаю Перовскому памятник самый несокрушимый — в сердцах людей.

Владимир САМАРИН.

Когда узнали, что красивое красиво,
появилось безобразное.
Когда узнали, что доброе хорошо,
появилось зло.

Поэтому бытие и небытие
порождают друг друга,
Трудное и легкое создают друг друга,
Длинное и короткое сравниваются,
Высокое и низкое соотносятся,
Звучки образуют мелодию,
Начало и конец чередуются.
Потому-то мудрый свершает в бездействии,
Учит безмолвно, вызывает
перемены безучастно,
Творит бескорыстно, начинает без усилий,
Завершая, не гордится.

Что тут добавить? Умер грандиозный лирический поэт, которому Небо предназначало жить и работать в Орле, а числить себя пастухом облаков и гражданином мироздания. Его талант переливался, как Вселенная, мистически, из ничего, из беспросветства и сиротства, развившись в Абсолютный Универсум просветленной искренности и мастерства. Ни нож, ни нужда, ни подлость, ни глупость не останавливали щедрой художественной эманации его свободной и мудрой души. Он только писал стихи, он не гнался за тщетой денег и славы, он ничего и никогда не боялся, как не может бояться свет или вода или высшая правда слова, отлитого в канонически верные строки.

На смертном одре, то и дело возвращая из далекого путешествия ладью сознания, он рассказывал близким о своих разговорах с Львом Толстым, Ницше и Бетховеном. Надеюсь, теперь он догнал своих собеседников.
Леонид АГИБАЛОВ.

Крест

Ивану Рыжову

Ходит по городу старый знакомый,
курит, сутулится, ищет друзей,
пасмурной Родины сын незаконый,
душу свою превративший в музей.

Перепевает, перепевает,
переживает себя самого,
день убывает, тень прибывает
и с головой накрывает его.

Нянчит осенние строки и строфы,
птиц провожает с насиженных мест,
думаю, он донесет до Голгофы
свой неподъемный, праведный крест.

Философ

Наконец в его серое здание
заглянула ночная звезда —
и мучительный смысл мироздания
для него приоткрылся тогда.

И утратил он имя и отчество,
и забросил земные дела,
золотые плоды одиночества
стал он прятать в утробу стола.

И, покуда звезда не отрунула,
подходил он ночами к окну,
а потом мудрецам ледериновым
говорил, усмехаясь: «Ну-ну!»

Но в погоне за стилем отточенным
он забыл, что живет на земле,
и в мозгу завелась червоточина,
древоточеч завелся в столе.

Пожиная плоды самомнения,
отвергая хвалы и хулы,
ждал прозренья —
дождарся сомнения,
уколовшего тоньше иголки...
луч звезды, леденящий мерцающий,
издательский все обрцающий...

И ночами, гонимый бессонницей,
проклинал бесцельный досуг,
стал копаться он

в собственной совести,
докопался и выяснил вдруг:

Все родные и близкие вымерли,
навсегда позабыли друзья,
ветры времени начисто вымели
дух добра из его бытия.
Подошел он, шатаясь к столу,
и костер запылал на полу...

Но страшней,
чем бегут от пожара,
он бежал от себя самого
и увидел цветущий боярышник
и смертельно вцепился в него.

Отыскал я могилу философа,
ни травинки на ней, ни цветка...
С той поры дорожу своим посохом
и степные пасу облака.

Листопад

Геннадью Александрову

Душа такого не припомнит,
такого не было со мной:
шум листопада был приподнят
над кромкой леса, над стерней,
над обмелевшью речушкой,
над пожелтевшею лозой
и над пастушкой с белой кружкой,
присевшей рядышком с козой...

Холода

Холода среднерусской равнины.
Опаленные кисти рябины,
голубые пары, зеленя,
полусумрак короткого дня.
И распаланный дым в огороде,
и сугробы багряной листвы,
и усталая строгость в природе —
притупившийся траур вдовы.